

КЛУБ
ИНТЕРЕСНЫХ
ВСТРЕЧ

ТАНЕЦ — ЕГО ЖИЗНЬ

ЗОЛОТОЙ бог медленно, едва заметно приподнимался на фоне огромного кроваво-красного диска солнца. Ни один мускул не дрогнул на его бледном, словно гипсовая маска, лице. Казалось, бог связан невидимыми нитями со светилом. И стоит ему на миг прекратить движение — Солнце никогда не взойдет над Землей. Долго, чудовищно долго индийский бог распрямляет колени. Но вот он поднялся во весь свой гигантский рост, закружился в неистовом вихре, тысячами искр запылал его сказочный культовый наряд — и над планетой возшло Солнце...

Таким запомнили Махмуда Эсамбаева миллионы советских зрителей в фильме «Я буду танцевать», лет десять назад вышедшем на экраны страны.

В этом человеке поражает буквально все: железная воля, с которой он шел к поставленной цели, работоспособность на грани человеческих возможностей, да и сама конечная цель — создать неповторимый национальный образ, в одном единственном танце раскрыть характер народа, будь это древние инки или неистовые испанцы, индийские племена или жители гор — чеченцы.

Танцевать он начал с четырех лет. Обитатели окрестных аулов, придя в дом отца, частенько просили: «Алисултан, одолжи сына на свадьбу. Что за веселье без его танцев...» Отец «одалживал» мальчика и усмехался, когда тот говорил ему, что хочет стать профессиональным артистом. «Разве это мужская работа, сынок?»

А время шло. В ту пору с афиш на экранов людям улыбалась своей неподражаемой улыбкой Любовь Орлова. И летний Махмуд влюбился в кинозвезду. Он стремился во всем походить на своего кумира. «Согласитесь, не так уж часто мальчишки копируют киноактрис. В школе он говорил ее тольбсом, пел ее песни, улыбался ее улыбкой. И, о чудо! Случайно, во время гастролей Любови Петровну познакомил с необычным поклонником. Так завязалась дружба, которую они пронесли сквозь годы. Пожалуй, тогда и решил Махмуд окончательно: стану артистом.

ПУТЬ на танцевальный Парнас был нелегким. Порой он напоминал восхождение на Голгофу. До крови избитые ноги, минуты успеха и месяцы

изнурительного труда — все это жизнь танцора, его будни и праздники.

Первый успех к Эсамбаеву пришел в Калуге. Разве забудешь тот счастливый день. Когда Махмуд уходил из балета, чтобы связать свою жизнь с характерным танцем, ему говорили: «Смотри, Махмуд, пожалеешь. Меняешь синицу в руке на журавля в небе». А он весело улыбался и отвечал: «Вы обо мне еще услышите...»

То давнее калужское утро он помнит также отчетливо, как и сегодняшнее. Старушка-уборщица, убирая сцену, ворчала: «Приехал какой-то Хамут. И так покоя нет, а тут еще сцену заново мой. Туфли что ли купить не может — босиком танцует». А вечером, плача, она обнимала Махмуда: «Сынок, ты ж совсем без костей. Знала бы, что ты так пляшешь — ножом половицы бы выскоблила».

МЫ СИДИМ с Эсамбаевым в его номере на втором этаже гостиницы «Центральная» и смотрим его рассказ. Да, да именно смотрим: ибо его рассказ это не только слова, это движения рук, глаз, это улыбка и выразительнейшая мимика, это, наконец, отдельные па, которые он выделяет прямо в номере, не сумев сдержать себя.

— Танец — это душа народа. Помните языческую «Макумбу»? Элементы этой неистовой ритуальной пляски я обнаружил в далекой Бразилии во фресках древнего храма инков. Или же танец «Павлин». В нем грациозность, гордость и сила птицы, олицетворяемой теми же инками. Я не раз и не два ходил в зоопарк, смотрел, как движется павлин. Кажется, мне удалось передать образ того существа, которому поклонялись когда-то южно-американские аборигены.

Не люблю телевидение. Оно не для танца, не передает всех его нюансов, национального колорита. Танец — не только движение ног или рук. «Аве Марию» Шуберта исполняет слепой. В общепринятом смысле — это не танец: здесь упор на глаза. Настежь открытые, неморгающие, невидящие глаза человека. И смотреть надо в них, а не на руки и ноги танцора. Телевидение этого не передаст. Семь минут я изображаю слепого. Семь минут смотрю в зал не моргая и ничего не вижу. А потом от напряжения ужасно болит голова...

Эсамбаев — явление уникальное. И не только потому, что у него железные мускулы, поистине змеиная гибкость, неиссякаемая энергия. Он сво-

его рода аскет. Работа для него — главное. Чтобы достигнуть вершин мастерства, нужно было отказаться от многого. Например, от столь привычных завтраков, обедов и ужинов. Навероятно, но дневной рацион Эсамбаева таков: утром — стакан сладкого чая, в обед — чашечка куриного бульона и опять тот же чай, ну, а вечером можно и бутерброд с кусочком сыра. Отсюда и осиная талия — 47 сантиметров при 62 килограммовом весе и росте в 180 сантиметров.

— За все надо платить. За славу тоже, — смеется Махмуд и продолжает. — Если многие могут похвастаться хорошим телосложением, то я, пожалуй, теловычитанием.

НАРОДНОМУ артисту СССР (а народным он признан еще в шести союзных республиках) часто приходится гастролировать за границей. Соединенные Штаты, Канада, южно-американский материк, Азия и Европа рукоплескали Эсамбаеву. «Непостижимый Эсамбаев», «Великий мастер перевоплощения», «Гений танца», «Зрелищность музыки Эсамбаева» — так пишут о нем газеты всего мира. А он мечтает лишь об одном: больше ездить по родной стране, бывать в любом ее уголке, приносить радость танца жителям больших городов и затерянных где-то поселков.

— Но везде побывать нельзя. Одной жизни просто-напросто мало, хоть я и собираюсь выступить до 65 лет. На помощь приходит кино. Я снялся в нескольких фильмах. Последние из них — «Лебединое озеро», где я танцую с ленинградским балетом Злого гения. Скоро выйдет на экраны «Честное волшебное» Юрия Победоносцева. В этом фильме у меня роль Огня. Ваш земляк и мой друг Родион Нахапетов закончил снимать «На краю света». Правда, здесь я играю необычную роль. Но получилась она неплохо. Судя по отзывам на просмотре, образ пьяницы в этом фильме мне очень удался. Еще одну киноленту — «Махмуд Эсамбаев» — собирается снять главный балетмейстер Большого театра СССР Юрий Григорович.

Вы спрашиваете о курьезах? Их в жизни артистов хоть отбавляй. Не так давно в зале имени Чайковского, выйдя на бис, я не заметил лежавший на сцене лепесток цветка. Поскользнулся я, падая, сумел все же пролететь и растянуться так, что зритель воспринял это, как отпетированный трюк. Всегда утверждал — главное не растеряться.

На концерте во время антракта мы зашли за кулисы. Артист сидел в кресле, в длинном халате, немного уставший. Рядом лежали костюмы, сшитые по эскизам самого Эсамбаева: экзотически пестрые костюмы древних божков, строгий, пурпурно-черный испанский наряд, из атласного шелка костюм цыгана, близкие сердцу Махмуда бурка и черкеска с газырями.

В дверь постучали. Заглянул импрессарио.

— Махмуд, наши солдаты. Эсамбаев порывисто встал, подошел к двум смущенным паренкам и, обняв их, коротанно и быстро что-то сказал на родном языке. Солдаты-чеченцы ответили ему улыбкой. Было видно, как потеплели глаза артиста.

ЗОЛОТОЙ бог медленно, едва заметно опускался на фоне заходящего кроваво-красного диска солнца. Вот он замер в первоначальной позе, умолкли последние звуки индийской мелодии. Воцарилась тишина. Но длилась она только миг. Замерший было зал разразился неистовыми аплодисментами. Такова дань за чудо.

А. КРЕСТЬЯНИНОВ,
В. АСАЕВ.

* * *

НА СНИМКЕ: Махмуд Эсамбаев всегда начинает свою концертную программу с народного танца горцев.

Фото А. Нидерера.